

О В. О. КЛЮЧЕВСКОМЪ.

Что же смотрѣть ходили вы?

Ночь съ понедѣльника на вторникъ проходила. Былъ тотъ предразсвѣтный часъ, когда спящіе спать особенно крѣпко, а бесѣда добровольно бодрствующихъ становится особенно откровенной. Ключевскій говорилъ хозяйкѣ дома: „Л. Н.—на! одна дама высказывала мнѣ такія истины: „почему, спрашивала она, вами интересуются? вѣдь, вы даже не умны, но что-то въ васъ есть“. Я привезъ вамъ давча вторую часть моего курса русской исторіи; въ моихъ лекціяхъ можетъ быть что-то и было, но это что-то растворилось въ книгѣ“. Наступила пауза.—„А интересная была дама, которая вамъ это говорила, спросилъ одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ.— „Какъ вамъ сказать? у ней очень маленькій носъ, а я не люблю дамъ для открытія носа у которыхъ требуется снаряжать географическія экспедиціи“.—„У васъ вѣдь своеобразный вкусъ, В. О., сказалъ другой, вотъ вамъ нравится м-ше М., а что въ ней хорошаго?“—„А мнѣ нравятся именно тѣ, которыя никому не нравятся“, сказалъ Ключевскій. Отъ м-ше М. перешли къ другой, а потомъ и къ третьей. Была общая черта у всѣхъ этихъ дамъ, черту эту не указывалъ Ключевскій, но ее знали всѣ: всѣ эти дамы были несчастны въ семейной жизни, и движимый состраданіемъ Ключевскій не только явно симпатизировалъ имъ, но и проявлялъ антипатію къ ихъ мужьямъ. Однако онъ самъ? Неужели онъ готовъ былъ полюбить женщину только за то, что она страдала. Страданіе вызываетъ состраданіе, но не любовь. Образъ, который любилъ Ключевскій, нашель себѣ воплощеніе въ литературѣ. Писателей XX столѣтія Ключевскій не читалъ и изъ писателей XIX онъ удѣлилъ вниманіе немногимъ, но этихъ не-

многихъ онъ любилъ и цѣнилъ. Онъ невысоко ставилъ Толстого, спокойно заявивъ, что Débacle Зола гораздо выше войны и мира. Онъ отзывался о Достоевскомъ, какъ о неопытномъ писателѣ. Но онъ любилъ Тургенева. „Тургеневъ, вотъ—нашъ (?) писатель“, говорилъ онъ. И среди женскихъ образовъ Тургенева Лиза Калитина трогала его сердце. И онъ говорилъ и вспоминалъ Пензу, гдѣ онъ учился и гдѣ была дѣвушка, которой онъ переводилъ Гейне и Гёте, и эта дѣвушка была нѣжнымъ и хрупкимъ созданіемъ, и Ключевскій уфхаль въ Москву увѣренный, что она умретъ. Но все это слишкомъ сантиментально для Ключевского. „И представьте, продолжалъ онъ, недавно она была у меня въ Москвѣ; у ней взрослая дочь и въ ней самой восемь пудовъ вѣсу“.

Нѣтъ, горды уста эти, могутъ они
Шутить лишь, лобзать и смѣяться;
Насмѣшлива рѣчь ихъ—а сердце въ груди
Готово отъ мукъ разорваться.

Тѣнь несчастной невѣсты Лаврецкаго скользнула по столовой и исчезла, унося съ собою заглушенную и осмѣянную тоску по идеалѣ.

„Теперь я ни за кѣмъ не ухаживаю, повѣствовалъ Ключевскій; впрочемъ, недавно въ деревнѣ началъ было ухаживать за одной деревенской дамой т. е. за бабой. Представьте, нѣкоторый успѣхъ былъ! Мнѣ удалось оказать ей услугу. Она грибы несла и нужно было ей перебраться черезъ воду. Я ей грибы подержалъ. Она обернулась ко мнѣ, посмотрѣла на меня ласково, ласково и сказала: спасибо, *дѣдушка!* Послѣ этого я рѣшилъ ухаживать за дамами только съ позволенія своей жены“. Но если онъ не искушался, то его, по его словамъ, искушали. Въ Парижѣ въ какомъ-то публичномъ мѣстѣ къ нему приступила француженка, искушая его. Что-то съѣла, что-то выпила, ему пришлось заплатить франка два, потомъ она приступила къ нему уже съ очень рискованнымъ предложеніемъ. Ключевскій отстранилъ ее и сказалъ: — Dieu, épouse et police—Богъ, жена и полиція, вотъ, что охраняло его отъ надевій на жизненномъ пути. А потомъ и возрастъ сталъ служить охранительнымъ началомъ, въ дѣйствительности можетъ быть онъ только и былъ надежною защитою отъ грѣха. Проф. X. сталъ трактовать о дамахъ,

какъ человѣкъ претендующій на успѣхъ у нихъ. Ключевскій сказалъ: „въ рѣкѣ купались маленькія дѣти; въ отдаленіи стоялъ маленькій мальчикъ. Прохожіи спросили: „кто это купаются—мальчики или дѣвочки?“ мальчикъ отвѣтилъ: „а я почему знаю; вѣдь, они безъ рубашонокъ“. „Такъ и намъ съ вами, заключилъ Ключевскій, пора бы различать мужчинъ и женщинъ только по платью.

Хозяйка ушла. Рѣчь стала не болѣе откровенною, но болѣе свободною. Одинъ кающійся грѣшникъ сталъ утверждать, что онъ измѣнялъ своей женѣ. Ключевскій сказалъ: „это невозможно; вы клевете на себя“. Ключевскій сталъ рассказывать, какъ принималъ участіе въ переводѣ камаринскаго на фравко-русскій языкъ. Начало было переведено такъ:

Ah! tu, fils de chien, kamarinsky paysan.

Продолженіе предложилъ Ключевскій:

Очень декольтэ по улицѣ бѣжить.

Такъ проходила ночь и такъ шла бесѣда.

Ключевскій былъ изумительно остроуменъ и находчивъ, но его рассказы не были экспромтами. Если одинъ изъ персонажей Шекспира на вопросъ—

Откуда вы остроты такихъ набрались?

Отвѣтилъ:

Экспромты—все, отъ матушки достались,

то нѣчто подобное могъ сказать о себѣ и Ключевскій. Онъ разрабатывалъ и варіировалъ свои рассказы и примѣнительно къ обстановкѣ и обстоятельствамъ порою совершенно мѣнялъ ихъ мораль.

Его отзывы о людяхъ и оцѣнка имъ людей мѣнялись. Такъ о своемъ учителѣ и предшественникѣ по университету С. М. Соловьевѣ онъ отзывался вообще съ почтеніемъ, но вдругъ неожиданно заявилъ: „фанфара!“ И онъ вполне повторилъ то, что публично говорилъ о Соловьевѣ, о его манерѣ читать лекціи и что все говорилось въ похвалу и изъ всего этого сдѣлалъ новый выводъ, что манера читать у знаменитаго историка была рисовкой, пезой. Между Ключев-

скимъ и сыномъ С. М. Соловьева Владиміромъ С—чемъ Соловьевымъ лежало непониманіе. Складъ души у того и другого былъ особый, души у того и другого было много, и обѣ эти души тяготѣли къ свѣту, и однако онѣ были неродственны. Когда Вл. С. Соловьевъ сталъ печатать „Оправданіе добра“, Ключевскому сказали: вотъ Соловьевъ говорить, что человѣкъ отличается отъ животнаго стыдомъ: у человѣка есть стыдъ, а у животнаго нѣтъ. Ключевскій сказалъ: „вретъ: у животныхъ есть стыдъ; вотъ—у меня Кудька, ему всегда бываетъ совѣстно, когда что не ладно сдѣлаетъ, онъ подожметъ хвостъ и глядитъ виновато, а у человѣка нѣтъ стыда: у человѣка страхъ“. Когда шла рѣчь по поводу статей Соловьева о Пушкинѣ и Лермонтовѣ, Ключевскій сказалъ: „Соловьевъ не умѣетъ писать“. Что хотѣлъ сказать этимъ Ключевскій? Читалъ ли онъ эти статьи? Онъ самъ писалъ о Пушкинѣ и о Лермонтовѣ. Настроеніе Лермонтова онъ называлъ „грусть“ и сблизилъ съ настроеніемъ царя Алексѣя Михайловича. Этого сближенія, кажется, никто не понялъ. и одинъ критикъ въ частной бесѣдѣ сказалъ о грусти Ключевского: его грусть грустна. Несомнѣнно, Соловьевъ и Ключевскій подходили къ Лермонтову съ разныхъ сторонъ, смотрѣли на него разными глазами, и пониманіе одного другому казалось непониманіемъ. Ключевскій, впрочемъ, вообще кажется былъ склоненъ относиться къ философамъ иронически. Такъ о Н. Я. Гротѣ безнадежно искавшемъ, къ какому бы направленію ему примкнуть, Ключевскій говорилъ: когда я вижу Грота, мнѣ всегда вспоминается:

Тишь. Безвѣтрье. Недвижно стоятъ флюгера.

И какъ ни гадаютъ, никакъ не добьются,

Въ какую бы сторону имъ повернуться.

Но себя онъ считалъ не чуждымъ философій. Онъ утверждалъ, что прочиталъ критику чистаго разума и одну свою бесѣду съ совершенно чуждымъ философій профессоромъ П. И. Г—мъ резюмировалъ такъ: „я не понялъ критики чистаго разума, ее прочитаю, а онъ понялъ ее, не читая.“

О своихъ министрахъ Ключевскій отзывался всегда прилично, но надъ попечителями обыкновенно иронизировалъ, особенно надъ попечителями толстовской школы—великими классиками, не умѣвшими читать по-латыни. Онъ расска-

зываетъ какъ графъ К. говорилъ: „въ Священномъ Писаніи сказано: *de quibus aut bene, aut nihil*“. Ключевскій разсказывалъ что слова Герація *respice faciem* для этого попечителя онъ перевелъ: никогда не ври. Въ началѣ девятисотыхъ годовъ Ключевскій шелъ противъ попечителя математика, но это было подъ посторонними вліяніями.

Ключевскій рѣдко одобрялъ людей, но не потому что искалъ въ нихъ дурныхъ сторонъ, а потому что не могъ не замѣчать этихъ сторонъ. Онъ не злословилъ, тѣмъ менѣе онъ былъ способенъ передать о ближнемъ какой-нибудь компрометирующей его разсказъ друга; нѣтъ, онъ просто характеризировалъ. Въ ряду лицъ, которыхъ академія канонизовала въ своемъ сознаніи, можетъ быть первое мѣсто занимаетъ ея ректоръ А. В. Горскій. Благодарная память академіи такъ идеализировала и стилизировала этотъ образъ, что отъ него не осталось живого человѣка, а только нѣчто просящееся на икону. Ключевскій облакалъ его въ плоть и кровь. „Горскій, говорилъ онъ, былъ склоненъ къ ироніи. Онъ былъ у меня на вступительной лекціи, гдѣ я развивалъ широкіе планы. Прощаясь со мной послѣ лекціи, онъ сказалъ: „ну, дай вамъ Богъ выполнить намѣченное, и въ его пожеланіи прозвучала насмѣшка“. „Горскій, говорилъ еще Ключевскій, не понималъ людей; онъ предлагалъ мнѣ заняться описаніемъ рукописей, значить, онъ не понималъ меня“. Да, предложить Ключевскому посвятить свои силы описанію рукописей это все равно, что предложить Рафаэлю заняться растираніемъ красокъ для облегченія труда суздальскихъ живописцевъ.

У Ключевского были свои нормы оцѣнки. Онъ говорилъ: мужчинѣ неприлично быть красивымъ, а женщинѣ неприлично быть некрасивой. Съ внутренней стороны онъ искалъ у женщинъ души и у мужчинъ ума; онъ цѣнилъ у женщины душу, существованіе которой у нея отрицалъ Вейнинггеръ, и онъ цѣнилъ у мужчины умъ, котораго по большей части у мужчины гораздо меньше, чѣмъ у женщины души.

„Л. Н—на, говорилъ Ключевскій той дамѣ, которой привозилъ свои сочиненія, если вы хотите выступать предъ аудиторіей, то для того, чтобы не смущаться, неужно питать особеннаго уваженія къ публикѣ, но съ публикою должно быть серьезнымъ и наиболѣе серьезнымъ должно быть, когда

говоришь наименѣе серьезныя вещи. Когда для построения вывода требуется фраза: „а такъ какъ отцы обыкновенно бывають старше своихъ дѣтей, то...“ то это фразу произносишь не только съ серьезнымъ, но даже съ нахмуреннымъ видомъ, какъ будто мысль заключающаяся въ ней есть плодъ долгихъ умственныхъ усилій“.

Ключевскій—единственный лекторъ, его нельзя ни съ кѣмъ сравнивать, ему можно только удивляться. Чрезвычайно трудно охарактеризовать его. Его нельзя назвать лекторомъ блестящимъ. Въ его лекціяхъ не было блеска, огня, паэоса, подъема. Можно ли назвать его оригинальнымъ? Но онъ какъ будто даже подчеркивалъ въ себѣ отсутствіе оригинальности. Когда Л. Н. Толстой въ высокихъ сапогахъ и рабочей блузѣ входилъ въ гостинную, онъ тѣмъ самымъ свидѣтельствовалъ о себѣ, что онъ не таковъ, какъ прочіе человѣки. Ключевскій никогда не могъ позволить себѣ этого. Онъ одѣвался такъ, чтобы быть незамѣтнымъ. Его костюмъ былъ скромень, очень скромень, какъ будто немного поношенъ, довольно опрятенъ, но главное—онъ былъ незамѣтенъ. Говоря языкомъ нашихъ дней: онъ былъ защитнаго цвѣта. И какъ лекторъ, онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ искусственнымъ приемамъ для привлеченія вниманія. Фихте, взойдя однажды на кафедру, потушилъ горѣвшія предъ нимъ двѣ свѣчи, затѣмъ зажегъ ихъ, потомъ снова потушилъ и опять зажегъ. Все это онъ предѣлалъ съ серьезнымъ видомъ и въ глубокомъ молчаніи и потомъ заговорилъ о смѣнѣ моментовъ свѣта и мрака. Подобная балаганщина была немислима для Ключевского. Онъ былъ естественнымъ даже тогда, когда не все было благополучно и естественно.

Многіе ли знали, что для него нелегко было входить на кафедру въ академіи. Онъ читалъ въ самой большой, теперь не существующей аудиторіи. Студенты сидѣли въ ней справа и слѣва, середина залы оставалась пустою. Кафедра была приставлена среди залы къ стѣнѣ, прямо противъ кафедры была входная дверь для профессора. Ключевскому отъ двери до кафедры нужно было проходить довольно значительное пустое пространство, а у него была боязнь пространства: двигаться имѣя передъ собою пустоту, было нелегко для этого неробкаго человѣка. Онъ проходилъ это пространство ускореннымъ шагомъ, который нельзя было назвать бѣгомъ,

но который не былъ и нормальной походкой. Наклонивъ немного голову, часто держась правой рукой за лѣвую пуговицу сюртука, онъ быстро проскальзывалъ на кафедру и начиналъ говорить, поворачивая голову то вправо, то влѣво къ слушателямъ.

Говорилъ онъ очень медленно—онъ немного заикался, но это было неуловимо. Всегда оставался серьезнымъ и спокойнымъ. Характеризовалъ ли онъ Петра I, въ которомъ видѣлъ человѣка наилучшимъ образомъ понявшаго нужды своего народа и наилучшимъ образомъ сумѣвшаго ихъ удовлетворить, или Петра III, въ которомъ онъ видѣлъ шута на тронѣ, онъ оставался неизмѣннымъ, онъ не восторгался человѣкомъ и не негодовалъ на него, онъ его объяснялъ.

Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зреть на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Его лекціи никогда не были импровизациями. Каждое слово въ нихъ было взвѣшено, размѣрено и обдуманно форма его произношенія. Нѣкоторыя слова и даже фразы подчеркивались, и это подчеркиваніе замѣляло собою порою цѣлое разсужденіе. Вотъ Ключевскій выясняетъ развитіе идеи царизма. Въ 1498 г. великій князь-дѣдъ возложилъ на великаго князя внука шапку и бармы мономаха. „Подлинность этихъ царственныхъ украшеній, вставляетъ Ключевскій, лежитъ на ответственности тогдашней, московской археологін“. Подчеркнута вся фраза и въ ней особеннымъ образомъ подчеркнуты слова „тогдашней, московской“. Послѣ этого рѣчь въ лекціи идетъ о другомъ, но отношеніе лектора къ шапкѣ и бармамъ мономаха ни въ комъ уже не вызываетъ сомнѣній. Вотъ Ключевскій характеризуетъ Петра I, онъ объясняетъ, какъ Петръ вышелъ не похожимъ на своихъ предковъ: хозяинъ—работчій, царь—мастеровой. Ключевскій заканчиваетъ рѣчь о Петрѣ: „холодный, но способный къ страшнымъ взрывамъ. Точь въ точь чугунная пушка его петро-заводской отливки“. Это неожиданное сравненіе дѣйствуетъ на слушателей, какъ выстрѣлъ изъ пушки, но лекторъ остается невозмутимымъ.

Ключевскій всю жизнь игралъ одну роль, и эта роль и

была его жизнію—роль профессора русской исторіи. Онъ оставался профессоромъ и на кафедрѣ и за чайнымъ столомъ и въ вагонѣ. Самъ онъ повидимому склоненъ былъ попробовать силы и на иныхъ роляхъ. Что дѣлать? Гете хотѣлъ быть великимъ скульптуромъ, а Провъ Садовскій хотѣлъ сыграть Лира. Повидимому Ключевскій былъ склоненъ считать себя дипломатомъ и практикомъ, но онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Существуетъ мнѣніе о вліятельности его голоса. Это мнѣніе совершенно ошибочно. Невидно вліянія его въ университетѣ. Изъ его собственныхъ разсказовъ, наоборотъ, открывалось, что предложенія его отклонялись. Такъ это было по вопросу объ ученыхъ степеняхъ; кандидатуры, въ проведеніи которыхъ принималъ участіе онъ, порою проваливались. Не имѣлъ онъ никакого вліянія на дѣла академіи. Онъ и не выступалъ здѣсь съ предложеніями и проектами. Но его всрѣдкѣ привлекали къ защитѣ чего-нибудь или къ борьбѣ съ чѣмъ-либо. Тогда онъ дѣйствовалъ. Но въ концѣ концовъ его дѣятельность сводилась къ подачѣ голоса. Его разсужденія не могли быть убѣдительно, потому что онъ обыкновенно неполнѣ зналъ дѣло или зналъ его односторонне. Вліянія онъ не имѣлъ. Его высоко цѣнили, но не въ совѣтскихъ дѣлахъ.

Ключевскій былъ профессоромъ. За каждой его лекціей скрывалась большая научная и художественная работа и, пожалуй, всрѣдкѣ послѣдней было больше, чѣмъ первой. Ключевскій былъ высоко талантливымъ ученымъ работникомъ, и его изслѣдованія высоко цѣнились вездѣ и всѣми. Но послѣднія десятилѣтія онъ должно быть отводилъ мало времени для кабинетныхъ работъ. Разъ когда онъ читалъ въ академіи характеристику царя Алексѣя, у него на лекціи случайно оказался старый и благочестивый Д. Θ. Г—кій, осматривавшій аудиторію для своихъ надобностей. Ключевскій, симпатизировавшій Алексѣю, говорилъ о благочестіи царя и у него вышло, что царь по праздникамъ клалъ поклоны цѣлыми тысячами. Д. Θ—чъ послѣ лекціи сказалъ Ключевскому въ профессорской: „этого не могло быть; по праздникамъ поклоны отмѣняются“. Ключевскій улыбнулся и сказалъ: „а это сообщаетъ“ и назвалъ какого-то писателя XVII вѣка. Однако въ лекціи онъ никого не цитировалъ. Говоря о цѣнахъ, онъ всегда предполагалъ настоящую сто-

имость серебра въ 22 р. за фунтъ, но достаточно ему было, когда онъ держалъ корректуру I-ой части своего курса, по-смотреть биржевой отдѣлъ въ газетѣ за день, чтобы убѣдиться, что стоимость серебра была 13—15 руб. за фунтъ, а не 22. Въ своей характеристикѣ великороссовъ онъ произвелъ январь въ первые мѣсяцы за столѣтія до Петра. Да, и самая эта характеристика болѣе красива, чѣмъ вѣрна. У него получилось, что великороссъ—замкнутый человекъ, который работаетъ лучше одинъ, чѣмъ вмѣстѣ. Это невѣрно. Повидимому великолѣпно освѣдомленный въ душегрѣяхъ, кафтанахъ и этикетѣ прошлыхъ столѣтій, онъ былъ твердо убѣжденъ, что форменный фракъ есть привиллегія исключительно профессоровъ и что попечитель учебнаго округа не имѣетъ права его носить. Такъ онъ монополизировалъ для своей профессіи одежду чиновниковъ VI и высшихъ классовъ. Особенно страннымъ представлялось въ немъ явно обнаруживаемое имъ непониманіе дифференціального тарифа. Онъ кратко сущность его опредѣлилъ такъ: „чѣмъ дальше, тѣмъ дешевле“, и потомъ изъ разъясненій его открывалось, что онъ серьезно полагалъ, что провозъ изъ Владивостока до Москвы можетъ стоить дешевле, чѣмъ провозъ изъ Томска до Москвы. Къ его сообщеніямъ, рассказамъ и объясненіямъ не мѣшало относиться съ осторожностью, потому что онъ самъ можетъ быть ошибочно увѣренный въ некомпетентности собесѣдниковъ не всегда соблюдалъ осторожность. Такъ, онъ не прочь былъ поговорить и объ алгебрѣ и разъ заявилъ, что одно уравненіе съ двумя неизвѣстными имѣетъ не много рѣшеній, но одно уравненіе съ тремя неизвѣстными имѣетъ безконечное число рѣшеній. Ему сказали, что это—не такъ. Онъ началъ ссылаться на алгебру Давидова. Ему сказали, что въ алгебрѣ Давидова, какъ и во всякой алгебрѣ, говорится, что всякое неопредѣленное уравненіе имѣетъ безконечное число рѣшеній. Одинъ разъ Ключевскій почему-то сталъ говорить о заслугахъ профессора Тимирязева и опредѣлилъ ихъ такъ: Тимирязевъ объяснилъ происхожденіе цвѣта лепестковъ и этимъ прославился. Но на самомъ дѣлѣ происхожденія окраски лепестковъ Тимирязевъ не объяснилъ и прославился не этимъ.

Ключевскій зналъ, надо полагать, неособенно много. Онъ зналъ non multa, sed multum. То, что онъ зналъ, онъ глубоко

продумалъ. При рѣшеніи каждаго вопроса онъ повидимому прежде всего устанавливалъ, какой матеріалъ нужно привлечь, какія условія нужно изслѣдовать. Для своихъ работъ онъ привлекалъ все нужное и только нужное. Въ его книгахъ и статьяхъ нѣтъ праздныхъ цитатъ, насаживая которыя въ свои фоліанты бездарные люди теперь думаютъ, что они—дѣйствительно ученые люди.

Ключевскій былъ человѣкомъ высоко образованнымъ. Онъ преподавалъ въ военномъ училищѣ (Александровскомъ), въ духовной школѣ (академіи), въ университетѣ, на женскихъ курсахъ, въ училищѣ живописи, ваянія и зодчества, читалъ политическую исторію покойному, наслѣднику Георгію Александровичу, читалъ приватно исторію въ высшихъ сферахъ. Онъ имѣлъ дѣло съ людьми разныхъ настроеній, разныхъ взглядовъ, разнаго характера образованія. Привыкшіи характеризовать людей, онъ умѣлъ понимать ихъ. Для пониманія людей надо знать то, что они знаютъ. И онъ зналъ основы разнаго рода наукъ, былъ знакомъ и съ искусствомъ. Онъ любилъ литературу. Когда византологъ Крумбахеръ былъ въ Москвѣ, Ключевскій прочиталъ ему изъ Гете стихотвореніе, въ которомъ ученаго спрашиваютъ мифыя о людяхъ, въ общество которыхъ онъ попалъ. Ученый отвѣчаетъ: еслибы они были книги, я бы не сталъ ихъ читать. Подъ ученымъ разумѣлся Крумбахеръ, подъ людьми Ключевскій хотѣлъ разумѣть себя и компанію. Крумбахеръ сознался, что онъ не знаетъ этого стихотворенія Гете. Ключевскій зналъ веймарскаго поэта, но отсюда не слѣдуетъ дѣлать вывода; что онъ знаетъ русскихъ поэтовъ и беллетристовъ конца XIX и начала XX столѣтія.

Каковы были взгляды и принципы этого человѣка?

Одни опредѣляютъ его, какъ шестидесятника. Онъ кончилъ университетъ въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, его дѣятельность началась въ эпоху реформъ. Многие настаиваютъ на томъ, что онъ—кадетъ и для этого имѣютъ оффиціальныя доказательства: онъ принадлежалъ къ кадетской партіи. Многие считаютъ его монархистомъ и имѣютъ для этого немало конфиденціальныя доказательства. Наконецъ, не мало найдется людей, которые считаютъ Ключевскаго человѣкомъ безпринципнымъ, принимавшимъ приспособительную окраску сообразно съ тою средою, въ которой онъ

находился въ данный моментъ. Теорія приспособительной окраски должна быть отвергнута, приспособительной въ смыслѣ готовности утверждать все то, что предпшетъ начальство. Въдь, поднимался вопросъ объ увольненіи Ключевского изъ университета. Деляновъ хотѣлъ перевести его въ Казань, но Делянову, по словамъ М. М. Ковалевскаго въ Вѣстникѣ Европы, указали, что Ключевскимъ дорожатъ въ духовныхъ сферахъ и въ троицкой академіи. Деляновъ не тронулъ Ключевского. Во всякомъ случаѣ Ключевскій считался то краснымъ, то чернымъ. Періодъ его негласнаго пребыванія въ консерваторахъ обнимаетъ, кажется, собою время отъ полученія имъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника до 17 октября 1905 г. Послѣ этого онъ рѣшительно и прямо перешелъ въ оппозицію. Когда объ этомъ переходѣ, который для многихъ явился неожиданнымъ, сообщили Побѣдоносцеву, тотъ сказалъ: „чтожь? онъ всегда кувырчался“. А за годъ или за два до этого Ключевскій рассказывалъ: „Побѣдоносцевъ мнѣ жаловался, что его уже не понимаютъ въ государственномъ Совѣтѣ“. И Ключевскій, получившій тайнаго совѣтника благодаря Побѣдоносцеву, комментировалъ эту жалобу въ томъ смыслѣ, что люди новаго времени не понимаютъ многого, ибо не знаютъ и не понимаютъ прошлаго.

Выше была приведена его фраза о „тогдашней, московской археологіи“. Любопытно, что въ литографированномъ изданіи его лекцій 1887 года эта фраза была выброшена. Что это случайность? Вызванная обстоятельствами осторожность или, наконецъ, результатъ признанія фразы неудачною? Во всякомъ случаѣ—не послѣднее, потому что съ каедры фраза аккуратно повторялась. Въ 1894 году Ключевскій произнесъ свою знаменитую рѣчь объ Александрѣ III. Эта рѣчь принесла ему много огорченій и надолго лишила его популярности. Нужно думать, что въ этой рѣчи онъ былъ искрененъ, но онъ въ это время утратилъ нѣсколько представленіе о средѣ, съ которой имѣлъ дѣло, и можетъ быть единственный разъ въ своей жизни пропустилъ случай промолчать. Онъ немного говорилъ о своемъ пребываніи въ Аббасѣ Туманѣ, но то, что онъ говорилъ, было характерно. Онъ рассказывалъ, что у него спросили, какъ онъ себя тамъ чувствуетъ? И онъ отвѣтилъ: „здѣсь я изъ человѣка пре-

вращаюсь въ нравственное правило^а. Онъ читалъ въ Аббасъ-Туманѣ сочиненные имъ новооткрытые афоризмы Кузьмы Пруткова. Одинъ изъ этихъ афоризмовъ гласилъ: нѣкоторые бывають республиканцами, потому что родятся безъ царя въ головѣ. Совершенно непоятно, какъ онъ могъ читать въ Аббасъ-Туманѣ политическую исторію XIX столѣтія. Политикой онъ не занимался, его политическія свѣдѣнія были скудны и недоброкачественны. Онъ рѣшительно отрицалъ возможность войны Россіи съ Японіей, а когда война началась, рѣшительно утверждалъ, что Японія будетъ раздавлена. Повидимому силы Японіи онъ сближалъ съ силами Монако. Но онъ нисколько не смутился, когда дѣйствительность опровергла его пророчества.

Когда студенческія волненія приняли уже хроническій и угрожающій характеръ, онъ долго пытался относиться къ нимъ, какъ къ дѣтскимъ шалостямъ, которыя немедленно прекратятся, стоитъ лишь на разшалившихся дѣтей погрозить пальцемъ. Такой взглядъ былъ причиною одного грустнаго обстоятельства. Университетское движеніе нашло себѣ откликъ—правда, довольно слабый—въ духовной академіи. Ректоръ академіи еп. Е—мъ сталъ распрашивать Ключевского о событіяхъ въ университетѣ. Ключевскій университетское движеніе изобразилъ въ видѣ водевиля, который, какъ и всякій водевиль, долженъ кончиться самъ собою и уже кончается. Ректоръ обратился съ воззваніемъ къ студентамъ, приглашая ихъ успокоиться и, процитировавъ Ключевского, идилично изобразилъ положеніе дѣлъ въ университетѣ. Незвѣство къмъ и въ какой формѣ, но это было сообщено Ключевскому. И это можетъ быть былъ единственный случай, когда уравнившій историкъ потерялъ самообладаніе. Онъ обратился съ рѣчью къ студентамъ, въ которой студенты уже не трактовались, какъ шаловливыя дѣти, онъ выразилъ ректору публично въ профессорской рѣзкое порицаніе за передачу частной бесѣды. Онъ былъ искрененъ въ своемъ гнѣвѣ, не замѣчая, что онъ порицалъ ректора за то, что тотъ ему повѣрилъ. Горе Ключевского заключается въ томъ, что онъ, давши Россіи не мало дѣльныхъ учениковъ, расплодилъ очень много обезьянъ. Задача послѣднихъ канонизовать недостатки учителя. Ключевскій безъ задней мысли, безусловно безъ практическихъ расче-

товъ говорилъ съ ректоромъ о событіяхъ въ одномъ тонѣ, съ студентами—въ другомъ. Тонъ оказался несогласимымъ. Немногіе имѣютъ мужество всегда быть прямыми, т. е. часто неприятными. Ключевскій не имѣлъ этого мужества. Но своеобразные почитатели историка потомъ стали доказывать, что такъ и должно быть. Частная бесѣда—одно, а официальная рѣчь—другое; сопоставлять ихъ значить совершать преступленіе. Разумѣется, всё мы грѣшимъ тѣмъ, что наши слова, произнесенныя при разныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, не согласуются между собою, но нужно имѣть очень своеобразную совѣсть для того, чтобы этотъ печальный фактъ возвести въ нравственный принципъ.

Ключевскій долго иронизировалъ надъ требованіями конституціи. Онъ изображалъ въ смѣшной формѣ съѣздъ акушерокъ, которыя вынесли резолюцію, что безъ конституціи бабы на Руси не могутъ рождать. Въ 1905 г. онъ говорилъ студентамъ университета въ частныхъ бесѣдахъ: „самодержавіе, это—скала, которая создана исторіей, лѣпа она или нелѣпа, она несокрушима; вамъ ее не поколебать“. Онъ иронизировалъ надъ евреями. Онъ рассказывалъ о еврей, который несъ знамя, на которомъ красовалась буква *Ш*. У еврея спросили, что это значить?—Какъ что? отвѣтилъ тотъ—швобода.

Въ началѣ сентября 1905 г. Ключевскій на совѣтѣ въ академіи неожиданно заявилъ, что онъ оставляетъ академію. Онъ говорилъ, что ему тяжело разставаться съ своими товарищами, что по его возрасту ему бы пора сокращать территорию своей дѣятельности, но что обстоятельства его куда-то призываютъ. Рѣчь была неясна и ее выслушали съ недоумѣніемъ. Нѣкоторые какъ-будто даже не обратили на нее вниманія. Но въ ней какъ будто слышалось, что онъ призывается на какой-то важный постъ. Передъ этимъ, нужно замѣтить, Ключевскій участвовалъ въ петергофскихъ засѣданіяхъ по вопросу объ учрежденіи государственной думы. Послѣ всего этого не было бы удивительно, если бы перемѣнилось положеніе Ключевского, но перемѣнилось не его положеніе, а перемѣнился онъ самъ.

Когда явился манифестъ 17 октября, естественно было ожидать, что старый профессоръ останется наблюдателемъ и истолкователемъ событій, но случилось иное: онъ пожелалъ.

самъ приять участіе въ ихъ созданіи. И здѣсь этотъ оригинальный человѣкъ началъ съ того, что поступилъ совсѣмъ пеоригинально: онъ примкнулъ къ партіи, которая была создана не имъ, надъ уставомъ которой онъ повидимому не размышлялъ, потому что на предвыборныхъ собраніяхъ въ Сергіевомъ посадѣ публично заявилъ, что онъ ничего не понимаетъ въ земельномъ вопросѣ. Невидно, чтобы и партія возлагала на него особыя надежды. Изъ его собственныхъ словъ выходило, что кадеты хотѣли его выбрать выборщикомъ по Москвѣ съ тѣмъ, чтобы онъ выбралъ указанныхъ ему лицъ, между которыми его не было. Таковую роль могъ бы выполнить и почтальонъ. Разумѣется, такая роль не могла показаться ему лестной. Онъ захотѣлъ пройти въ думу самъ и попытался сдѣлать это по московской губерніи по службѣ въ академіи. И здѣсь въ немъ сказался непрacticalный человѣкъ. Онъ явился на выборы, совершенно не представляя при помощи чего можно приобрести голоса. Нужно ли для пользы дѣла выяснитъ публикѣ, что онъ имѣетъ чинъ тайнаго совѣтника и участвовалъ въ петергофскихъ засѣданіяхъ? Нужно ли привлекать сердца купцовъ или опереться на кустарей и социаль-демократовъ? Благодаря постероннымъ содѣйствіямъ, онъ по числу голосовъ оказался первымъ послѣ выборщиковъ, но если бы онъ немного ориентировался въ положеніи вещей, если бы около его знаменитаго имени была пущена самая маленькая пропаганда, онъ былъ бы избранъ *per acclamationem*. Онъ думалъ, что онъ извѣстенъ, а его не знали; онъ думалъ, что нужно было говорить о связяхъ съ внешними сферами, а нужно было говорить о близости къ меньшей братіи.

Потомъ онъ говорилъ, что онъ не пошелъ бы въ думу, если бы его выбрали. Но зачѣмъ онъ шелъ? Точно также онъ печатно заявилъ, что онъ не пойдетъ въ государственный совѣтъ. Но баллотировался, былъ выбранъ единогласно, значить и самъ подавалъ голосъ за себя. И затѣмъ отказался. Зачѣмъ все это? Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ нельзя понять ихъ смысла и нельзя видѣть его воли.

Настоящій очеркъ, основанный на воспоминаніяхъ, не имѣетъ ввиду выяснитъ исполнѣ этого крупнаго человѣка, а только сказать кое-что о немъ. Въ Ключевскомъ, наблюдая за нимъ, легко было подмѣтить двѣ черты: онъ страшно

боялся оказаться смѣшнымъ и остаться одинокимъ. Первое заставляло его всегда быть на сторожѣ. Если бы у него спросили: В. О! какой сегодня день? онъ не отвѣтилъ бы сразу. Онъ бы подумалъ—нѣтъ ли здѣсь подвоха, не разставляется ли здѣсь ловушка? И возможно, что онъ отвѣтилъ бы не прямо, а тоже вопросомъ или уклончиво или шуткою. Другая его черта—боязнь оказаться въ меньшинствѣ. Въдѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ это значитъ имѣть противъ себя большинство товарищей. Духовный климатъ университета и—еще шире—той сферы, въ которой преимущественно вращался Ключевскій, былъ кадетскимъ, и онъ уже по чувству товарищества, по чувству солидарности долженъ былъ примкнуть къ кадетамъ. Но дѣйствовать едва ли онъ уже могъ. Можетъ быть въ глубинѣ души онъ думалъ: лѣно ли все сіе или нелѣно; выйдетъ то, что должно выйдти по законамъ исторіи.

Какъ-то онъ говорилъ о нелѣпости революціи. Онъ утверждалъ, что революціи, разстраивая жизнь, приносятъ много горя, не даютъ ничего, что послѣ нихъ въ государствѣ является только то, что было бы и безъ нихъ, и что является плодомъ естественнаго развитія. Что должно явиться въ Россіи плодомъ естественнаго развитія? Какъ представлялъ себѣ ея будущее Ключевскій? На лекціи онъ говорилъ, что вопросъ о присоединеніи Галиціи къ Россіи есть только вопросъ времени. Значитъ, онъ представлялъ себѣ территориальное будущее Россіи. Несомнѣнно, онъ рисовалъ себѣ и будущее ея устройство. Можетъ быть онъ кому-нибудь говорилъ объ этомъ?

Но въ сущности онъ замолкъ передъ 17 октября. Не отъ себя и не свое говорилъ онъ послѣ этого дня. Въ партіи, къ которой онъ примкнулъ и которая по своему интеллектуальному составу стоитъ гораздо выше другихъ, онъ занялъ почетное, но декоративное мѣсто. Около его имени съ этого времени созданъ культъ. Но когда его стали почитать, его перестали слушать. Правда, на лекціи его стекались, но не затѣмъ, чтобы услышать новое слово; содержаніе его лекцій было извѣстно, а затѣмъ чтобы посмотреть и послушать старую игру стараго артиста. Такъ московская публика стекалась смотрѣть на 65-лѣтняго, умиравшаго Росси, когда онъ игралъ Ромео.

Идейно Ключевскій умеръ раньше 1905 года.

Но не въ политическихъ взглядахъ выражается душа человѣка. Маргарита не интересовалась—былъ ли Фаустъ монархистомъ или республиканцемъ, но она спросила:

Ты, Фаустъ, въ Бога вѣруешь?

Въ своихъ отношеніяхъ къ религіи сказывается весь человѣкъ. Какъ относился къ религіи Ключевскій? Каковы были религіозныя убѣжденія этого профессора духовной академіи? По внѣшности религія повидимому мало занимала мѣста въ его жизни, а въ официальныхъ случаяхъ она выражалась въ православной формѣ; онъ подходилъ подъ благословеніе къ митрополитамъ и архіереямъ; когда надобно, истово крестился и прикладывался къ мощамъ и иконамъ. Но можетъ быть на послѣднемъ судѣ Господь Богъ будетъ насъ судить не за то, чѣмъ мы были, а за то, чѣмъ мы хотѣли быть—за тайныя помышленія и влеченія нашего сердца. Вопросъ о вѣрѣ человѣка вопросъ очень интимный, но когда человѣкъ умеръ, вопросъ этотъ можетъ трактоваться лишь для пользы живыхъ, а не для осужденія умершаго.

Ключевскій, начиная свои лекціи въ академіи, обыкновенно говорилъ: „не мое дѣло показывать вамъ, какой вредъ произошелъ для церкви отъ ея союза съ государствомъ, но мое дѣло показать вамъ ту пользу, которую извлекло государство изъ союза съ церковью“. О русскомъ богословіи Ключевскій говорилъ, разумѣется, не въ лекціяхъ: „какіе русскіе богословы?“ У насъ богословомъ считается Хомяковъ, но онъ гораздо больше занимался своими собаками, чѣмъ богословіемъ. Въ обществѣ по своимъ интересамъ принадлежалъ къ хомяковскому типу, но не хомяковскаго склада при Ключевскомъ говорили о томъ, какъ изъ первоначальныхъ немногихъ документовъ сформировалось Евангеліе. Ключевскій сказалъ: „можно представить, что сначала было три документа: 1) нагорная проповѣдь, 2) прощальная бесѣда и 3) Отче нашъ, и какія-нибудь теткі Агаѣи разносили ихъ повсюду“. Когда ему замѣтили, что Отче нашъ уже есть въ нагорной проповѣди, онъ сказалъ: „особо его носили, какъ молитвенный документъ“. Говоря о юго-западныхъ братствахъ, онъ темную сторону ихъ усматривалъ во власти мірянъ надъ

церковью. Ключевскій стоялъ за отдѣленіе церкви отъ государства, но сомнительно, чтобы этотъ аристократъ духа вѣрилъ въ религіозно-нравственную мощь русскаго прихода. Поучительно, что въ своихъ чтеніяхъ онъ никогда не позволялъ себѣ ничего, что могло бы оскорбить или смутить чью-либо религіозную совѣсть. Было ли это только нравственною деликатностью или вѣра была дорога для него самого? Можно утверждать, что послѣднее. Ключевскій отмѣчалъ, что студенты академіи и университета различно относятся къ его лекціямъ. Есть лекціи, которыхъ не любятъ тѣ и другіе. Таковы—о древнерусскихъ лѣтописяхъ. Есть лекціи, которыхъ не любятъ академисты—по вопросамъ экономическимъ; есть лекціи, которыхъ не любятъ университетанты—по вопросамъ церковнымъ. Вотъ эти-то послѣднія лекціи Ключевскій читалъ какъ-то особенно въ академіи. Когда онъ говорилъ о происхожденіи раскола, то какъ бы легкое волненіе охватывало его; онъ говорилъ о религіозномъ мышленіи, настаивая на его существованіи; чувствовалось, что онъ говорилъ о чемъ-то завѣтномъ и дорогомъ для него самого. Изъ его рѣчей было видно, что старую академію онъ ставилъ выше, чѣмъ новую, но старая академія отличалась отъ новой прежде всего и больше всего религіозностью. Легкомысленно кощунственныя выходки нѣкоторыхъ, видно, его коробили. Съ уваженіемъ онъ говорилъ о старыхъ архіереяхъ даже тогда, когда они повидимому не проявляли къ нему особаго уваженія. Такъ, онъ хорошо отзывался о пензенскомъ архіереѣ, при которомъ учился въ семинаріи. Ключевскій пробылъ въ богословскомъ классѣ одинъ годъ и затѣмъ перешелъ въ университетъ. На экзаменѣ въ семинаріи архіерею сообщили, что Ключевскій уходитъ въ университетъ. Послѣ экзамена архіерей подозвалъ къ себѣ Ключевского, наклонился къ нему и сказалъ: „успѣешь еще дуракомъ-то сдѣлаться“. Иногда рѣчи Ключевского звучали иронически, ихъ можно было истолковывать двояко, но можно было бы извлекать изъ нихъ и нравственный смыслъ. Такъ, однажды при немъ разсматривали изданіе библейскихъ гравюръ изъ библіотеки пожертвованной однимъ архіепископомъ въ академію. Оказалось, что всѣ гравюры пикантнаго содержанія были вырваны. Какъ же это? почему? спрашивали разсматривавшіе. Ключевскій съ серьезнѣйшимъ видомъ сказалъ: „мо-

жетъ быть владыка оставилъ ихъ у себя?—Зачѣмъ? спросили у него.—„Чтобы мы не соблазнялись“. Очень охотно и часто Ключевскій говорилъ о религіозности своей жены, которая потомъ и умерла въ церкви. Онъ называлъ ея религіозность спортомъ, но видно было, что къ этому спорту онъ относился съ глубокимъ уваженіемъ. Къ походамъ противъ православія, къ авторамъ самоизмышленной вѣры, онъ относился отрицательно. Замѣтно, онъ не любилъ Толстого. Когда Толстой написалъ статью „Первая ступень“, въ которой требовалъ безубойнаго питанія для всѣхъ, Ключевскій сказалъ: „ну, еслибы все дѣло было въ картошкѣ, всѣ нѣмцы давно бы сдѣлались святыми“. У одного кандидата богословія Толстой спросилъ: „гдѣ адъ?“—Когда объ этомъ рассказали Ключевскому, онъ сказалъ: „а онъ бы отвѣтилъ: вы это скоро сами узнаете“. Толстой былъ у Ключевского и по его словамъ спрашивалъ его: „на что вамъ разумъ?“ И будто бы Ключевскій отвѣтилъ: „на то, чтобы объ этомъ не спрашивать“. Было ли это или не было; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Ключевскій очень отрицательно смотрѣлъ на высокомѣрно-враждебное отношеніе Толстого къ православной церкви. Никогда онъ не высказывалъ сомнѣній и недоумѣній по вопросамъ вѣры, хотя часто высказывалъ замѣчанія, которыя показывали, что онъ о ней много думалъ.

Достаточно ли всего этого для того, чтобы признать его религіознымъ? Ключевскій уважалъ религіозную вѣру, а ее можетъ уважать только тотъ, кто хочетъ ее имѣть или кто уже ее имѣетъ. Невѣрующіе люди, заявляющіе что они уважаютъ вѣру, пошли вдвойнѣ. Во-1-хъ, они рисуются своимъ невѣріемъ, какъ мудростью, освободившею ихъ отъ иллюзіи и повергшею въ бездны красиваго пессимизма; во-2-хъ, они оскорбляютъ вѣрующихъ, заявляя въ сущности, что тѣ пребываютъ въ глупости и обманѣ. Таковъ Ренанъ, заявляющій о своей зависти къ наивной вѣрѣ бретонцевъ. Такую, въ сущности, глуповатую позу никогда не могъ принять Ключевскій. Онъ уважалъ вѣру, потому что видѣлъ въ ней сокровище. Несомнѣнно онъ вѣрилъ въ Бога, какъ его понимаетъ христіанство. Но принималъ онъ все христіанство въ формѣ православія или въ формѣ близкой къ православію? Можетъ быть онъ принималъ вѣру отцовъ, разсуждая, что невелико прегрѣшеніе раздѣлять заблужденія отцовъ, но будеть непре-

стительнымъ грѣхомъ, если отказаться отъ ихъ вѣры, а она окажется истиной? А можетъ быть онъ вѣрилъ просто, какъ просто вѣрилъ его отецъ и какъ вѣрила его жена.

Что почитали и любили въ Ключевскомъ? Ученаго? но ученыхъ теперь много на свѣтѣ. Остроуміе? Но не мало имѣется и людей, старающихся быть остроумными. Почитали ли въ немъ человѣка будущаго, типъ котораго должны воспроизводить послѣдующія поколѣнія, или въ немъ видѣли воплощеніе добрыхъ сторонъ прошедшаго, которое должно исчезнуть и которое должно замѣниться новыми типами? Да, послѣднее. Можетъ быть его почитатели и ученики и не сознавали этого, но они это чувствовали. Никто и никогда не сомнѣвался, что Ключевскій не повторится. Другого Ключевского не будетъ.

Онъ былъ питомцемъ старой загадочной бурсы, гдѣ какъ будто ничему не учили и откуда выходило множество умныхъ людей. Изумительна та нравственная дисциплина, которую прививала эта школа къ своимъ питомцамъ. Дѣло здѣсь не во виѣшней благопочтительности, которую отмѣчаютъ у старыхъ священниковъ; дѣло здѣсь въ глубокомъ внутреннемъ сознаніи долга, которое характеризуетъ этихъ священниковъ. Макен очень почитательны, пока ждуть на чай, но становятся очень наглыми, когда видятъ, что ждать нечего. Питомецъ старой бурсы кланялся архіерею и тогда, когда тотъ, говоря метафорически, отдавалъ его на распятіе. Онъ исполнялъ то, что считалъ долгомъ. Чувство долга было сильно у Ключевского. Оно выражалось у него въ его отношеніи къ лекціямъ, въ исполненіи имъ своихъ обязанностей. Изумительна также была скромность его житейскихъ требованій. Немного онъ во всю свою жизнь издержалъ на себя и не потому чтобы онъ себѣ въ чемъ отказывалъ, а потому что онъ нуждался въ очень немногомъ. Онъ могъ бы прожить и на дореформенный академическій окладъ. Вслѣдствіе этого отъ него вѣяло нѣкоторою суровостью, но не тою, которая отталкиваетъ, а тою, которая, внушая уваженіе, заставляла держаться отъ него на почтительномъ разстояніи. Едва ли на самомъ дѣлѣ онъ и ввѣрялъ себя кому либо и едва ли предъ кѣмъ-либо онъ обнажалъ свою душу.

Старая бурса почитала логику. Логика проникала жизни Ключевского. Онъ всегда производилъ впечатлѣніе человѣка,

который знаетъ, что дѣлаетъ. Онъ никогда не суетился, не спѣшилъ, онъ всегда и все обсуждалъ и дѣлалъ совершенно спокойно.

Искалъ ли онъ когда-нибудь чего-либо для себя? Должно полагать, что нѣтъ... Для другихъ и за другихъ онъ дѣйствовалъ, онъ былъ добрымъ товарищемъ, но своего не искалъ, хотя и не былъ равнодушенъ къ почестямъ, славѣ и ко всему.

Сильная логика въ немъ соединялась съ необыкновеннымъ юморомъ. Это—рѣдкій союзъ и онъ поражалъ и плѣнялъ его слушателей, и собесѣдниковъ. Обыкновенно острятъ, забывая о разумѣ, а вспоминая о немъ, забываютъ о смѣхѣ.

Онъ—человѣкъ старой школы. Онъ не можетъ повториться. Старые архіереи были для него понятнѣе, чѣмъ новые профессора. И чѣмъ большимъ европеизмомъ вѣяло отъ профессора, тѣмъ съ большимъ сомнѣніемъ смотрѣлъ на него Ключевскій.

Другого Ключевского не будетъ.

С. Глаголевъ.

6. XII. 1916.
